

НЕДОБРОСОВѢСТНОСТЬ СТОРОНЪ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРОЦЕССѢ.

(Замѣтки изъ судебной практики).

А. Н. Гедда.

I.

При разсмотрѣніи нашими законодательными учрежденіями проекта преобразования мѣстнаго суда предполагено внести не мало измѣненій въ нашъ дѣйствующій уставъ гражданскаго судопроизводства, по крайней мѣрѣ въ ту часть его, которою будетъ руководствоваться проектируемый органъ мѣстнаго суда, будущій мировой судья.

По этому поводу намъ хочется указать на одно явленіе, которое, по нашему мнѣнію, чрезвычайно часто наблюдается въ нашемъ гражданскомъ процессѣ, не только въ дѣлахъ мировой юстиціи, но и въ дѣлахъ общихъ судебныхъ мѣстъ, гдѣ оно получило даже, быть можетъ, наибольшее распространеніе.

Мы хотимъ говорить объ этомъ явленіи именно теперь, именно въ виду обсужденія проекта преобразования мѣстнаго суда, потому что намъ кажется, что въ эту минуту, при принятой реформѣ, можно, легче всего, не прибѣгая къ крупной ломкѣ, внести въ правила гражданскаго судопроизводства положенія, которыя, если и не уничтожили бы этого явленія, то воспрепятствовали бы развитію и распространенію его.

Явленіе, о которомъ мы хотимъ говорить, называютъ перѣдко ложью на судѣ гражданскомъ. Подъ этимъ именемъ извѣстно оно и въ литературѣ, какъ иностранной, такъ и нашей. Это имя, однако, не вполне соответствуетъ содержанию явленія, не охватываетъ всѣхъ частичныхъ его проявленій и не объединяетъ всѣхъ его составныхъ элементовъ. Болѣе точнымъ и болѣе полнымъ представляется намъ опредѣленіе и наименованіе этого явленія недобросовѣстностью. Это имя и сохранимъ мы за нимъ въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи.

Недобросовѣстность на судѣ гражданскомъ—явленіе, о сохраненіи котораго мы будемъ говорить нѣсколько ниже, захватываетъ въ нашемъ процессѣ, къ сожалѣнію, все больше и больше мѣста; она объявила рѣшительную войну матеріальной правдѣ и несетъ за собою порчу правовъ, переходящую даже за предѣлы залы суда. Съ этимъ явленіемъ нельзя не считаться, противъ него необходимо должны быть приняты самыя серьезныя, самыя рѣшительныя мѣры.

Вотъ почему мы рѣшились заговорить о немъ. Оно портитъ, оно губитъ дѣло, близкое нашему сердцу. Хотѣлось бы вѣрить, что наши слова будутъ услышаны!

II.

Недобросовѣстность сторонъ на судѣ гражданскомъ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Когда обѣ стороны, или одна изъ нихъ, высказываютъ положенія заведомо для нихъ ложныя, защищаютъ и поддерживаютъ то, чего въ дѣйствительности не было, и дѣлаютъ все это съ цѣлью достигнуть извѣстной выгоды, то мы имѣемъ дѣло съ ложью на судѣ гражданскомъ въ чистомъ ея видѣ. Ложь эта, несомнѣнно, есть одно изъ проявленій недобросовѣстности сторонъ въ процессѣ, но не единственное. Есть цѣлый рядъ другихъ явленій, быть можетъ, не столь рѣзкихъ, менѣе серьезныхъ по своимъ послѣдствіямъ, но зато чаще встрѣчающихся и безспорно предосудительныхъ, кото-

рия также должны быть отнесены къ недобросовѣстности тяжущихся. Такъ, къ явленіямъ этой категоріи долженъ быть отнесенъ и такой образъ дѣйствій тяжущагося, когда онъ умышленно скрываетъ какое либо обстоятельство или заставляетъ противника представлять доказательства въ подтвержденіе того, что ему прекрасно извѣстно, да и не можетъ не быть извѣстно.

Возьмемъ примѣръ изъ нашей собственной практики.

Истецъ ищетъ съ отвѣтчика опредѣленную сумму денегъ по заемному письму. Отвѣтчикъ, не отрицая того, что заемное письмо выдано имъ, да и не имѣя возможности отрицать это, заявляетъ однако, что письмо это было выдано имъ истцу въ обезпеченіе уплаты денегъ за купленное имъ у истца имѣніе, но продажа этого имѣнія не состоялась по формальнымъ причинамъ, и земля осталась у истца. Истецъ, прекрасно освѣдомленный, что въ возраженіи отвѣтчика нѣтъ ни малѣйшей доли несправды, заявляетъ суду, что отвѣтчикъ обязанъ доказать свои возраженія, что онъ, истецъ, не обязанъ помогать отвѣтчику и давать ему доказательства правильности его возраженій въ видѣ своихъ признаній, и что поэтому онъ отказывается сказать что либо по поводу указаній противника.

Такое уклоненіе отъ объясненія является, несомнѣнно, недобросовѣстностью на судѣ со стороны истца.

Возьмемъ другой примѣръ, также изъ нашей практики, гдѣ недобросовѣстность проявляется со стороны отвѣтчика.

Были два брата. Одинъ изъ нихъ утвердился въ охранительномъ порядкѣ въ правахъ наслѣдства ко всему имуществу, оставшемуся послѣ смерти ихъ отца. Другой не успѣлъ предъявить свои права на половину этого имущества, такъ какъ самъ онъ былъ тяжело боленъ и умеръ вскорѣ послѣ смерти отца. Его вдова и дѣти сдѣлали попытку утвердиться въ правахъ наслѣдства къ причитавшейся ему долѣ въ охранительномъ порядкѣ, а когда эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, предъявили искъ къ брату покойнаго, утвердившемуся уже, повторяемъ, въ правахъ наслѣдства ко всему имуществу своего отца. Послѣдній, являясь отвѣтчикомъ, конеч-

но, не сомнѣвался и не могъ сомнѣваться, что наслѣдодатель истцовъ его родной братъ. Тѣмъ не менѣе онъ отказался признать на судѣ это обстоятельство и даже выразился такъ, что онъ не помнитъ, былъ ли у него такой братъ, и тѣмъ заставилъ истцовъ прибѣгнуть къ трудной и сложной иногда процедурѣ розысканія документальныхъ доказательствъ родственной связи ихъ съ покойнымъ его братомъ, и послѣднiго съ ихъ общимъ отцомъ, наслѣдодателемъ. Благодаря этому, ему удалось затянуть процессъ на довольно продолжительное время. Лжи, въ прямомъ смыслѣ слова, онъ, конечно, почти не сказалъ, такъ какъ онъ не отрицать положительно родства и свойства своего съ истцами, но въ то же время, отказомъ своимъ признать это родство и свойство, основаннымъ на правилѣ 366 ст. уст. гражд. суд., онъ, несомнѣнно, проявилъ своего рода недобросовѣстность на судѣ, которая была направлена къ тому, чтобы затруднить установленіе истины.

Къ той же недобросовѣстности долженъ быть отнесенъ и цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ дѣйствій того или другого тяжущагося, направленныхъ къ тому исключительно, чтобы затормозить дѣло, затянуть его на возможно большее время, стѣснить этимъ своего противника, поставить его въ затруднительное положеніе и тѣмъ заставить его идти на уступки, согласиться покончить дѣло на условіяхъ, выгодныхъ сторонѣ, прибѣгающей къ такимъ приемамъ. Здѣсь заявленія, ходатайства по частнымъ вопросамъ, отводы, встрѣчные иски, неявка въ судъ и допущеніе заочнаго рѣшенія, представленіе состязательныхъ бумагъ безъ сборовъ и тому подобныя дѣйствія тяжущагося, предусмотрѣнныя въ уставѣ гражданского судопроизводства, совершенно въ явныхъ цѣляхъ и по инымъ соображеніямъ, примѣняются въ громадномъ большинствѣ случаевъ для достиженія совершенно противоположныхъ цѣлей, ничего общаго съ правдою, дѣйствительностью и настоящими интересами и отношеніями сторонъ не имѣющихъ, и предпринимаются только потому, что тяжущійся путемъ подобныхъ процессуальныхъ возможностей, процессуальныхъ комбинацій можетъ легко достигъ вышеуказан-

ныхъ результатовъ, стѣснить противника и создать судебную волокиту, ему выгодную.

Все это — проявленія недобросовѣстности сторонъ на судѣ, различныя по силѣ, качеству и послѣдствіямъ своимъ, но близкія по ихъ отношенію къ правдѣ.

Можно было бы указать множество примѣровъ такихъ дѣйствій, такого недобросовѣстнаго использованія сторонами процессуальныхъ возможностей.

Кто же не знаетъ, напримѣръ, что просьбы объ обезпеченіи исковъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ предъявляются не потому, чтобы истцу грозила дѣйствительная опасность, при необезпеченіи иска, лишиться возможности получить удовлетвореніе, а только для того, чтобы заставить противника какъ можно скорѣе и какъ можно выгоднѣе рассчитаться съ истцомъ, чтобы только отдѣлаться отъ стѣснительной, можетъ быть, убыточной, позорящей его, наконецъ, мѣры обезпеченія иска. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай, гдѣ къ лицу, занимающему видное общественное положеніе, лицу богатому, обладающему прекраснымъ имѣніемъ, нигдѣ не заложеннымъ, которое могло бы служить самымъ лучшимъ обезпеченіемъ иска, былъ предъявленъ искъ, въ обезпеченіе коего истецъ просилъ положить арестъ на квартирную обстановку отвѣтчика. Искъ оказался чрезмѣрно раздутымъ, первоначально объявленная сумма иска, свыше десяти тысячъ, была послѣ первыхъ же возраженій уменьшена до суммы менѣе тысячи рублей и объявлена всего въ нѣсколько сотъ рублей. Конечно, истецъ не могъ не знать настоящихъ размѣровъ своей претензіи, а обезпеченіе иска указаннымъ способомъ было направлено къ тому, чтобы испугать отвѣтчика нѣкоторымъ скандаломъ, подорвать его кредитъ и тѣмъ заставить его поспѣшнѣе уплатить больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Обезпеченіе иска, прекрасная практическая мѣра, обращается въ орудіе, въ средство самыхъ разнообразныхъ недобросовѣстныхъ комбинацій. Иногда весь интересъ процесса сосредоточенъ только на этой мѣрѣ. Предъявляется искъ, заявляется просьба объ обезпеченіи его, разрѣшается эта просьба, и дѣло дальше не идетъ. Дальнѣйшее движеніе его

не имѣть никакого интереса. Обезпеченія иска, конечно, вымышленнаго, въ формѣ отобранія подписки о невыѣздѣ, добиваются иногда даже для того, чтобы предоставить лицу, не имѣющему права жительства въ данной мѣстности, прожить въ ней нѣкоторое время для операцій на ярмаркѣ.

А предъявленіе встрѣчныхъ исковъ!

Развѣ мы не можемъ сказать, что 95% этихъ исковъ предъявляются только для того, чтобы затормозить дѣло?

Предъявляется искъ по закладной крѣпости. Казалось бы, какія тутъ могутъ быть сдѣланы возраженія со стороны отвѣтника! Искъ основанъ на актѣ неоспоримомъ, рѣшеніе можетъ послѣдовать въ ближайшее же засѣданіе; будетъ допущено предварительное исполненіе. Но отвѣтчику нужно загнать дѣло какъ можно дольше, чтобы продолжать пользоваться имуществомъ и извлекать изъ него доходы, не платя процентовъ по взятымъ въ долгъ деньгамъ, а можетъ быть, и въ томъ расчетѣ, что истецъ, нуждаясь въ деньгахъ, желая поскорѣе получить ихъ, пойдетъ на уступки, уменьшитъ сумму своей претензіи, лишь бы поскорѣе развязаться съ дѣломъ. И вотъ въ первомъ же засѣданіи по дѣлу заявляется ходатайство о предоставленіи отвѣтнику семидневнаго срока на изложеніе въ письменной формѣ встрѣчнаго иска. Иногда на этомъ дѣло и оканчивается, истецъ, предвидя длинную судебную волокиту, идетъ на уступки. Но иногда, и даже чаще всего, дѣло продолжается. Встрѣчный искъ предъявляется, но, конечно, предъявляется безъ пошлины, безъ сбросовъ, чтобы выиграть и на этомъ время, пока встрѣчное исковое рѣшеніе будетъ лежать безъ движенія. Въ подтвержденіе такого иска приходится допрашивать свидѣтелей, производить повѣрку доказательствъ, благодаря чему дѣло затягивается на много, много времени. Намъ лично извѣстенъ примѣръ, когда въ подтвержденіе такого встрѣчнаго иска была сдѣлана ссылка на свидѣтеля, жившаго въ осажденномъ въ то время Портъ-Артурѣ. Истецъ, конечно, покончилъ дѣло по миролюбивому соглашенію съ отвѣтникомъ. Бываютъ и такіе случаи, что истецъ немедленно признаетъ совершенно вымышленный встрѣчный искъ, проситъ сдѣлать зачетъ претензій. Ему вы-

годнѣ потерять на этомъ небольшую сумму, лишь бы поскорѣ получить исполнительный листъ по своей справедливой претензіи.

Припомнимъ и другой, хорошо знакомый въ судебной практикѣ пріемъ недобросовѣстнаго использованія сторовою процессуальныхъ возможностей.

Производится дѣло, требующее сложной повѣрки доказательствъ,—осмотра на мѣстѣ, допроса тамъ же свидѣтелей, истребованія заключенія свѣдущихъ людей. Все это продѣлывается судомъ самымъ тщательнымъ образомъ, но исключительно по просьбѣ и указаніямъ одного истца. Отвѣтчикъ не принимаетъ въ этомъ никакого участія и даже не присутствуетъ при повѣрочныхъ дѣйствіяхъ. Проходитъ довольно много времени, все выполнено, дѣло вполнѣ выяснено и въ ближайшемъ засѣданіи можетъ бытъ разрѣшено по существу. Тогда отвѣтчикъ заявляетъ ходатайство о производствѣ повѣрки доказательствъ съ его стороны, о повѣркѣ, которая успѣшнѣе всего могла бы быть произведена раньше, одновременно съ повѣркою доказательствъ истца. Дѣлается это, очевидно, все съ тою же цѣлью—затормозить дѣло, создать судебную волокиту.

Мы могли бы привести еще безконечный рядъ примѣровъ такихъ недобросовѣстныхъ дѣйствій сторонъ. Но въ этомъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ они хорошо извѣстны всѣмъ, кто соприкасался когда либо съ судомъ, вѣль когда-нибудь судебное дѣло.

Всѣ эти дѣйствія объединяются подъ общимъ именемъ недобросовѣстности сторонъ въ гражданскомъ процессѣ. Они стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ правдою, отысканію которой посвящена вся дѣятельность суда, почему ихъ иногда и называютъ ложью на судѣ.

III.

Итакъ, всякое дѣйствіе того или другого тяжущагося, заключающееся въ томъ, чтобы путемъ пользованія уста-

новленными въ законѣ возможностями либо совершенно воспрепятствовать отысканію правды и восстановленію права, либо отдалить ихъ на время, какъ можно, большее, если, конечно, все это дѣлается сознательно, мы называемъ недобросовѣстностью сторонъ въ гражданскомъ процессѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ содержаніе этого явленія, мы должны обсудить два вопроса.

Необходимо прежде всего выяснить, представляется ли эта недобросовѣстность на судѣ гражданскомъ явленіемъ частымъ, повторяющимся постоянно, изъ дня въ день, или, наоборотъ, рѣдкимъ, исключительнымъ, и соотвѣтственно сему, дѣйствительно ли нужна борьба съ нимъ, или, напротивъ, оно не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ явленіе, встрѣчающееся лишь изрѣдка, какъ явленіе исключительное. Второй вопросъ заключается въ томъ, можно ли бороться противъ этого явленія. Смыслъ этого вопроса не въ томъ, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, имѣются ли какія либо средства борьбы съ этимъ явленіемъ, а именно—можно ли принимать тѣ или другія мѣры къ его уничтоженію, не имѣетъ ли такая недобросовѣстность право на существованіе въ гражданскомъ процессѣ.

Что касается перваго вопроса, то нашъ отвѣтъ на него можетъ быть предусмотрѣнъ уже изъ всего предшествующаго изложенія. Недобросовѣстность сторонъ въ гражданскомъ процессѣ, какъ въ видѣ чистой лжи, такъ и въ видѣ всевозможныхъ другихъ ея проявленій,—явленіе чрезвычайно частое, чрезвычайно распространенное, явленіе обычное. Она наблюдается во всѣхъ стадіяхъ гражданского процесса ежедневно и проявляется не только въ мелочахъ, но и въ вопросахъ серьезныхъ. Съ ней можно встрѣгиться и въ исковомъ прошеніи, умышленно искажающемъ дѣйствительность, и въ письменномъ отвѣтѣ, и въ словесныхъ объясненіяхъ сторонъ, и въ отзывѣ на заочное рѣшеніе, и въ частныхъ, и въ апелляціонныхъ жалобахъ, словомъ,—рѣшительно всюду. Ложь въ чистомъ ея видѣ встрѣчается, можетъ быть, нѣсколько рѣже, чѣмъ недобросовѣстное пользованіе установленными въ

законѣ процессуальными правилами съ цѣлью достигъ извѣстныхъ выгодъ,—но только сравнительно. Вообще же и она представляется явленіемъ обыденнымъ на судѣ. И это явленіе повсемѣстное. Оно не поддается учету, не можетъ быть выражено въ цифрахъ, но всякій судья хорошо знаетъ, какое огромное распространеніе получило оно.

Это явленіе свойственно не только намъ, не только русскому гражданскому процессу,—оно наблюдается и на западѣ. Въ австрійскихъ законахъ содержатся спеціальныя правила, направленные противъ него, правила двоякаго рода, — карательныя, налагающія наказаніе (штрафъ) на лицо, дозволяющее себѣ недобросовѣстное веденіе процесса, — и правила, пренятствующія пользоваться законными приѣмами для недобросовѣстныхъ цѣлей. Очевидно, что введеніе этихъ правилъ въ процессуальный законъ вызвано требованіями жизни, ея запросами, наблюденіями надъ распространеніемъ недобросовѣстности на судѣ.

Это печальное, возмущающее душу явленіе беспокоитъ и германскихъ юристовъ. Въ самое послѣднее время въ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ стали все больше и больше отмѣчаться случаи проявленія этой недобросовѣстности, и соотвѣтственно сему стали все чаще и чаще раздаваться жалобы и требованія реформы процесса. Явились два теченія, создалась цѣлая полемика, весьма интересная и характерная для нашего времени. Недобросовѣстность на судѣ, какъ оказалось, имѣетъ не только своихъ враговъ, толкующихъ объ обязанности правдиваго веденія процесса, но и защитниковъ, говорящихъ, напримѣръ, о какомъ-то правѣ на ложь въ процессѣ.

Уже одно это, одна эта горячая полемика нѣмецкихъ ученыхъ свидѣтельствуетъ въ достаточной мѣрѣ, въ какихъ размѣрахъ проявляется недобросовѣстность сторонъ въ процессѣ, и указываетъ, что это явленіе заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Но, можетъ быть, недобросовѣстность сторонъ въ процессѣ и заслуживаетъ вниманія, можетъ быть, она заслуживаетъ даже изученія, но не указываетъ на необходимость при-

нятія мѣръ для борьбы съ нею, для ея устраненія. Быть можетъ, это явленіе необходимое. Вѣдь говорятъ же о какомъ-то правѣ на ложь на судѣ, а ложь—лишь одно изъ крупнѣйшихъ проявленій недобросовѣстности вообще.

Намъ кажется, что тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Ложь въ прямомъ смыслѣ и всякая недобросовѣстность на судѣ не могутъ имѣть никакого права на существованіе.

Всякая недобросовѣстность вредна и не можетъ быть терпима.

Это—общее правило, это—азбучная истина. Конечно, возможны условія, при которыхъ изъ этого общаго правила могутъ быть сдѣланы исключенія. Извѣстно, напримѣръ, что Владиміръ Соловьевъ отмѣчаетъ существованіе такъ называемой „моральной лжи“, какъ ни странно звучитъ соединеніе этихъ словъ. Человѣкъ, преслѣдуемый разбойниками, находитъ убѣжище у своего друга. Разбойники приходятъ къ послѣднему и требуютъ указать, гдѣ находится преслѣдуемый; желая спасти друга, укрывшій даетъ имъ ложныя указанія и направляетъ ихъ совершенно въ другую сторону, а затѣмъ даетъ возможность укрывшемуся продолжать спокойно свой путь. Несомнѣнно, это будетъ ложь, но ложь, во-первыхъ, до извѣстной степени вынужденная, а во-вторыхъ направленная на хорошее, доброе дѣло и противопоставленная злу, съ которыми бороться правдою въ такомъ случаѣ невозможно. Такая ложь можетъ быть допустима, о ней можно говорить какъ о лжи моральной.

Въ гражданскомъ процессѣ, однако же, ни ложь, ни недобросовѣстность въ такихъ условіяхъ проявляться не могутъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ либо понужденіи, здѣсь не можетъ быть мѣста борьбѣ со зломъ инымъ орудіемъ, кромѣ правды.

Судъ является орудіемъ права и правды, онъ существуетъ только какъ средство для отысканія и возстановленія истины. Если одна изъ сторонъ, добиваясь той или иной выгоды, прибѣгаетъ къ помощи неправды, то другая должна противопоставить ей только правду. Здѣсь, слѣдовательно, можетъ быть рѣчь о понужденіи, о необходимости говорить и доказы-

вать только правду, дѣйствовать только добросовѣстно. Истецъ, предъявляющій искъ и умышленно искажающій истину, дѣйствуетъ недобросовѣстно, говоритъ ложь. Но онъ никѣмъ и ничѣмъ къ этому не принуждается, онъ дѣйствуетъ совершенно свободно, преслѣдуя лишь одну безнравственную цѣль получить ту выгоду, которая по правдѣ ему не слѣдуетъ, на которую права у него нѣтъ. Единственное средство бороться съ этою недобросовѣстностью истца для отвѣтчика заключается въ томъ, чтобы установить, доказать правду. Только къ этому и побуждается онъ необходимостью. Въ такомъ случаѣ онъ не можетъ оказаться въ положеніи человека, который можетъ спасти на судѣ свое имущество, свое право путемъ лжи или недобросовѣстнаго приѣма. Онъ имѣетъ здѣсь дѣло не только съ недобросовѣстнымъ врагомъ, но и съ судомъ, который можетъ возстановить только истину и который охранить его отъ зла и недобросовѣстности противника.

Можетъ быть и обратный случай. Истецъ домогается возстановить свое право, онъ говоритъ только о томъ, что было въ дѣйствительности, а отвѣтникъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ приѣмамъ, прямо недобросовѣстнымъ, чтобы воспрепятствовать справедливому рѣшенію.

Само собою разумѣется, что истцу остается только одно средство, поддерживать правду, стараться доказать ее, и тогда ложныя заявленія отвѣтника и всѣ недобросовѣстные приѣмы его будутъ безсильны, ничтожны. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ни одна изъ сторонъ не можетъ быть признана вынужденною дѣйствовать недобросовѣстно; и въ томъ и въ другомъ случаѣ недобросовѣстность является средствомъ для получения незаконной выгоды, а не для уничтоженія зла; и въ томъ и въ другомъ случаѣ сторонѣ, дѣйствующей недобросовѣстно, слѣдуетъ напомнить объ ея обязанности дѣйствовать и говорить правдиво; никакого оправданія ея недобросовѣстности, никакого права на таковую у нея нѣтъ и быть не можетъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, бываютъ случаи, что недобросовѣстность на судѣ одерживаетъ побѣду надъ правдою, что судъ выноситъ несправедливыя рѣшенія. Но это объясняется

несовершенством процесса, какъ орудія права и правды, или неумѣніемъ стороны доказать правду.

Въ обоихъ случаяхъ можно говорить объ исправленіяхъ несовершенствъ процесса, объ иной организаціи защиты на судѣ, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя усмотрѣть оснований къ признанію за сторонами права на недобросовѣстность и на ложь въ процессѣ.

Чѣмъ же, спрашивается, объясняютъ защитники лжи на судѣ, какъ одного изъ проявленій недобросовѣстности, это существующее, по ихъ мнѣнію, право на такую ложь? Они не оправдываютъ лжи, какъ самостоятельнаго явленія, взятаго само по себѣ. Нѣтъ, они основываютъ свой выводъ о существованіи такого права на слѣдующихъ положеніяхъ.

Гражданскій процессъ долженъ быть построенъ на состязательномъ началѣ. Это начало должно быть проведено въ немъ со всею строгостью, безъ малѣйшихъ отступленій. Состязательное начало требуетъ безусловной свободы сторонъ. Малѣйшее стѣсненіе ихъ, самое ничтожное принужденіе нарушаетъ эту свободу, а слѣдовательно и принципъ состязательности. Во имя этой свободы и этого принципа они отрицаютъ то ученіе, которое вмѣняетъ тяжущимся въ обязанность говорить на судѣ только правду, и согласны признать за ними, какъ необходимое зло, даже своего рода право на ложь ¹⁾. То же самое разсужденіе легко примѣнимо не только ко лжи, но и ко всякому другому проявленію недобросовѣстности въ процессѣ гражданскомъ.

Мы думаемъ, что здѣсь кроется коренная ошибка въ одномъ изъ основныхъ положеній. Состязательное начало, безусловно, — самый правильный, самый вѣрный и прочный фундаментъ, на которомъ долженъ покоиться гражданскій процессъ. Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій этого начала, безспорно, является свобода тяжущихся. Но, необходима ли здѣсь свобода тяжущихся, не знающая никакихъ границъ, свобода,

¹⁾ См. статью г. Бугаевскаго, — „Ложь въ гражданскомъ судѣ“, въ „Правдѣ“, за 1909 г. № 12. Статья эта въ сжатомъ видѣ знакомятъ со всемъ полемикой нѣмецкихъ ученыхъ по разсматриваемому вопросу.

доходящая до разрѣшенія дѣлать зло, говорить ложь и прибѣгать къ приемамъ, явно недобросовѣстнымъ?

Едва-ли это такъ! Едва-ли вообще можно говорить о томъ, что человѣкъ не пользуется полною свободою, потому, напримѣръ, что ему запрещается совершать преступленія или вообще безправственныя дѣйствія, убивать, красть, клеветать, лгать. Въ этомъ свобода каждаго человѣка въ каждомъ культурномъ обществѣ ограничена такъ давно, что онъ уже сжился съ этими ограниченіями, пересталъ считать ихъ стѣсненіями своей свободы и мнитъ себя свободнымъ, отлично помня, что онъ не имѣетъ права ни убивать, ни красть, ни клеветать, ни лгать. Но, если бы даже и признать, что обязанность говорить на судѣ только правду и дѣйствовать только добросовѣстно и являлась нѣкоторымъ стѣсненіемъ тяжущихся, нѣкоторымъ ограниченіемъ ихъ свободы, то можетъ ли это имѣть хоть сколько нибудь вредное вліяніе на тѣ конечныя цѣли, къ которымъ стремится гражданскій процессъ и которыя достигаются всего лучше состязательнымъ началомъ?

Конечно, нѣтъ! Судъ ищетъ только правду, и, чѣмъ больше правды, по принужденію ли или по доброй волѣ, дадутъ ему стороны, тѣмъ лучше, тѣмъ больше возможности будетъ у него найти истину.

Въ этомъ и заключается, на нашъ взглядъ, вся ошибка защитниковъ лжи на судѣ гражданскомъ,—ошибка, заставляющая ихъ отыскивать оправданіе тому, чему оправданія нѣтъ и не можетъ быть, что заслуживаетъ одного осужденія.

IV.

Мы глубоко убѣждены, что недобросовѣстность сторонъ въ гражданскомъ процессѣ столь же вредна, какъ и вообще въ жизни, что поэтому она не должна быть терпима. Но она существуетъ въ процессѣ, существуетъ въ громадныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она является результатомъ искренняго заблужденія стороны. Это необходимо имѣть въ виду. Тяжущійся идетъ въ судъ, въ качествѣ истца или

въ качествѣ отвѣтчика, и защищаетъ ложныя положенія въ твердомъ сознаніи, что онъ правъ. Это сознаніе можетъ быть обусловлено ошибочнымъ представленіемъ о фактическомъ положеніи спорнаго вопроса, незнаніемъ или неправильнымъ пониманіемъ закона. Такіе случаи надо отличать отъ тѣхъ, гдѣ проявляется сознательная недобросовѣстность. Въ нихъ нѣтъ недобросовѣстности, въ нихъ есть только совершенно искреннее заблужденіе. Дѣло суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разобраться въ этомъ вопросѣ и установить, гдѣ приходится ему имѣть дѣло съ такимъ заблужденіемъ и гдѣ съ несомнѣнною недобросовѣстностью.

Въ отношеніи перваго—рѣшеніе суда должно явиться авторитетнымъ разъясненіемъ заблужденія. Въ отношеніи второй—судъ не можетъ оставаться индифферентнымъ, онъ долженъ воздѣйствовать на нее тѣмъ или инымъ путемъ. Въ противномъ случаѣ судъ перестанетъ служить своему настоящему назначенію, перестанетъ быть орудіемъ правды и права и явится средствомъ обращать право въ неправу, или же,—и это будетъ еще наименѣе грустнымъ послѣдствіемъ,—создастъ почву для судебной волокиты, столь вредно отражающейся на интересахъ сторонъ.

Практика нашихъ общихъ судебныхъ мѣстъ даетъ богатый матеріалъ для наблюденія, какъ легко обнаруживается и устанавливается истина при правдивомъ и добросовѣстномъ отношеніи сторонъ, и, наоборотъ, какъ легко затемняется она и даже совершенно ускользаетъ отъ суда при отношеніи противоположномъ. Особенно интереснымъ и знаменательнымъ представляется намъ въ этомъ отношеніи наблюденіе надъ крестьянскими дѣлами и сопоставленіе ихъ съ дѣлами, которыя ведутся лицами другихъ сословій, въ особенности, при участіи представителей адвокатуры.

Крестьянинъ, совершенно несвѣдущій въ законахъ, не понимая ничего ни въ матеріальномъ правѣ, ни въ правилахъ процесса, чувствуетъ какую-то обиду, воображаетъ, что его право нарушено другимъ крестьяниномъ. Онъ вынужденъ обратиться къ судебной защитѣ, долженъ предъявить искъ. Ни написать прошеніе, ни правильно и ясно изложить, хотя бы

на словахъ, тѣ основанія, по которымъ онъ считаетъ, что его права нарушены, онъ не въ состояніи. Къ услугамъ его въ ближайшемъ къ деревнѣ городкѣ или мѣстечкѣ имѣется адвокатъ, обыкновенно подпольный, въ лучшемъ же случаѣ частный повѣренный при мѣстныхъ мировыхъ учрежденіяхъ. Онъ отправляется къ нему и, какъ умѣетъ, излагаетъ ему свое дѣло. Адвокатъ составляетъ ему исковое прошеніе и отправляетъ его въ судъ.

Это прошеніе весьма часто совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и нерѣдко совершенно искажаетъ смыслъ того, что хотѣлъ бы сказать самъ истецъ. Сплошь да рядомъ это выясняется на судѣ, при словесныхъ объясненіяхъ тяжущихся, когда на вопросы суда истецъ вдругъ заявляетъ, что ничего подобнаго изложенному въ его прошеніи, имъ самимъ, можетъ быть, подписанномъ, въ дѣйствительности и не было. Получается картина полного недоумѣнія, и, когда истцу читаютъ изложенное въ прошеніи, онъ заявляетъ, что не поручалъ „адвокату“ писать это, или говорить, какъ бы даже обижаясь, — „мало ли что тамъ адвокатъ напишетъ“. Происходитъ это противорѣчіе частью по той причинѣ, что адвокатъ не всегда понимаетъ своего кліента и не выясняетъ въ точности, что хочетъ сказать послѣдній; частью — потому, что адвокатъ иногда забываетъ то, что передалъ ему кліентъ, и, составляя прошеніе по краткимъ замѣткамъ, въ отсутствіи кліента, путаетъ сообщенное ему; частью же, и едва-ли не въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ потому, что адвокатъ умышленно придаетъ требованію истца совершенно иную юридическую конструкцію, отлично понимая, что требованія кліента по тѣмъ обстоятельствамъ, на которыхъ онъ самъ ихъ основываетъ, удовлетворены быть не могутъ. То же самое продѣлывается не только съ исковымъ прошеніемъ, но и съ отвѣтомъ на него, съ возраженіемъ и опроверженіемъ, отзывомъ на заочное рѣшеніе, апелляціонною жалобою и вообще со всякою бумагою, фабрикуемою для крестьянъ адвокатами.

Въ такомъ видѣ попадаетъ дѣло въ судъ. Казалось бы, сдѣлано все, чтобы истина ускользнула отъ суда, чтобы найти ее было какъ можно труднѣе. А между тѣмъ на судѣ

положеніе вещей совершенно измѣняется, и правда весьма быстро и легко обнаруживается.

Основываясь на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ и на указаніяхъ многихъ судей, устанавливающихъ то же самое, мы утверждаемъ, что огромный процентъ крестьянскихъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ общими судебными мѣстами, при томъ условіи, если стороны являются въ судебное засѣданіе лично и ведутъ дѣло сами, а не чрезъ повѣренныхъ, можетъ быть разрѣшенъ въ первомъ же засѣданіи по дѣлу, безъ всякой повѣрки доказательствъ, безъ предоставленія сроковъ на представленіе таковыхъ, безъ всякихъ встрѣчныхъ исковъ и т. п.

Это происходитъ потому, что крестьяне всегда говорятъ правду на судѣ и не прибѣгаютъ ни къ какимъ недобросовѣстнымъ приемамъ, а судѣ, даже въ самыхъ сложныхъ дѣлахъ, путемъ разспросовъ сторонъ и сдѣланныхъ ими разъясненій, получаетъ и устанавливаетъ прочно все тѣ данныя, которыя необходимы для полнаго и всесторонняго освѣщенія дѣла и для правильнаго его разрѣшенія. Лишь по весьма немногимъ крестьянскимъ дѣламъ требуется повѣрка доказательствъ, въ видѣ осмотровъ на мѣстѣ, измѣренія чрезъ эксперта-землемѣра спорныхъ участковъ земли, допроса свидѣтелей съ предъявленіемъ имъ на мѣстѣ предмета спора, словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ограничиться однимъ правдивымъ изложеніемъ обязательствъ дѣла тяжущимися нельзя. Но такіа дѣла составляютъ меньшинство, и притомъ весьма ничтожное, повѣрочныя же дѣйствія по нимъ чаще всего назначаются по инициативѣ суда, а не по просьбѣ сторонъ.

Легко объяснить, почему крестьяне не проявляютъ недобросовѣстности на судѣ въ видѣ пользованія процессуальными возможностями съ цѣлью стѣснить противника. Они не знаютъ закона, не знаютъ и этихъ возможностей. Но почему они говорятъ почти всегда правду, даже и тогда, когда она идетъ въ разрѣзъ съ ихъ интересами? По этому вопросу существуютъ различныя мнѣнія. Мы должны, впрочемъ, прежде всего сдѣлать нѣкоторую оговорку. Утверждая, что крестьяне всегда или почти всегда говорятъ правду, мы этимъ не хотимъ сказать, что они всегда дѣлаютъ это охотно и нецри-

пужденно. Крестьянинъ рѣдко рѣшится на ложь въ чистомъ видѣ, т. е. рѣдко станетъ умышленно утверждать то, чего въ дѣйствительности никогда не было. Но очень часто онъ предпочитаетъ молчать, не возбуждать вопроса о тѣхъ предметахъ, разъясненіе которыхъ для него невыгодно, и правдиво говорить о нихъ на судѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда его начинаютъ объ этомъ спрашивать. Тогда онъ всегда расскажетъ все, какъ оно было. Съ этою оговоркою говоримъ мы о правдивости крестьянъ въ судоговореніи.

Многіе объясняютъ эту правдивость неспорченностью крестьянъ; другіе приписываютъ ее робости ихъ предъ судомъ, тому впечатлѣнію, которое производитъ на нихъ залъ засѣданія и вся обстановка суда; нѣкоторые, наконецъ, полагаютъ, что крестьяне просто мало развиты и совершенно несвѣдущи въ законахъ, чтобы понять всю выгоду въ изложеніи дѣла въ видѣ, не соответствующемъ дѣйствительности, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ выгоду искусственно создаваемой судебной волокиты и, наконецъ, чтобы сумѣть создать такую.

Мы со своей стороны думаемъ, что наблюдаемое явленіе есть результатъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ и многихъ другихъ еще условій, но выясненіе причинъ этого явленія для насъ и неважно. Намъ вполне достаточно установить, что, по общему признанію всѣхъ, близко знающихъ дѣло, это явленіе несомнѣнно наблюдается, существуетъ, а противъ этого едва-ли кто будетъ съ нами спорить.

То же самое можно сказать и о тѣхъ дѣлахъ, гдѣ тяжущимися являются хотя и не крестьяне, но люди простые, можетъ быть, и образованные, но мало знакомые съ судомъ и судебнымъ дѣломъ, несвѣдущіе въ законахъ, особенно же женщины. Мы наблюдали, что и они испытываютъ нѣкоторую робость на судѣ, что и на нихъ обстановка суда производитъ сильное впечатлѣніе. Они, обыкновенно, также открываютъ на судѣ всю правду, ничего не утаивая и не прибѣгая ни къ какимъ пріемамъ съ цѣлью затянуть или затемнить дѣло.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ протекаетъ процессъ,
Жур. Мин. Юст. Январь 1910.

когда онъ ведется тяжущимися, хорошо знакомыми съ судо-производствомъ, освѣдомленными съ матеріальнымъ правомъ, или когда тяжущіеся представляются на судѣ адвокатами.

Въ такихъ случаяхъ самое простое дѣло осложняется; добываніе, отысканіе истины вслѣдствіе затрудняется, и, вмѣсто того, чтобы откровенно сказать суду: вотъ въ чемъ заключается нашъ споръ, вотъ вамъ данныя, разрѣшите его и скажите, кто изъ насъ правъ,—примѣняются всѣ мѣры къ тому, чтобы скрыть отъ суда истину или, по крайней мѣрѣ, отдалить ея торжество, насколько возможно.

Надо ли освѣщать сказанное примѣрами? Выше мы привели уже нѣсколько примѣровъ подобнаго рода веденія дѣла. Этими мы и ограничимся, потому что кто же не знаетъ этого, кому въ общихъ чертахъ неизвѣстно это грустное явленіе нашего гражданского процесса.

Здѣсь, въ дѣлахъ подобнаго рода, мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ заблужденіемъ о существѣ и предѣлахъ своего права весьма рѣдко, а чаще всего приходится считаться съ недобросовѣстностью той или другой стороны.

Оно и понятно. Добросовѣстный человѣкъ, знающій законы, понимающій ихъ, знакомый съ процессомъ, и самъ сумѣетъ разобраться, на чьей сторонѣ правда и право, и не пойдетъ въ судъ ни въ качествѣ истца съ завѣдомо неправильными требованіями, ни въ качествѣ отвѣтчика съ такими же возраженіями противъ правильнаго иска. Онъ идетъ въ судъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ не понимаетъ, гдѣ право и правда, если матеріальный законъ ему не ясенъ, если онъ добросовѣстно толкуетъ его иначе, чѣмъ принято и чѣмъ слѣдуетъ. Такіе случаи, однако, рѣдки.

Напротивъ, человѣкъ недобросовѣстный сплошь и рядомъ идетъ въ судъ и въ качествѣ истца, и въ качествѣ отвѣтчика, прекрасно понимая, что и требованія его неправильны, и возраженія незаконны, а пріемы, которыми онъ пользуются, недобросовѣстны. Но его прельщаетъ выгода; онъ можетъ добиться присужденія ему того, чего ему не слѣдуетъ, можетъ избѣгать неблагоприятнаго для него рѣшенія суда, можетъ, наконецъ, напугать противника волокитою и добыть-

ся уменьшенія его справедливыхъ претензій. Средства для всего этого есть, они изображены въ самомъ законѣ, правда, въ расчетѣ на другихъ людей, на другое отношеніе къ дѣлу и на другія цѣли. Но это его не смущаетъ; съ формальной стороны онъ имѣетъ право пользоваться этими средствами, ему никто не можетъ запретить это. Вотъ онъ и пользуется ими, внося въ чистое по существу дѣло суда ту недобросовѣстность, ту ложь, противъ которыхъ мы такъ протестуемъ, которыя такъ возмущаютъ всякаго.

Еще печальнѣе, когда за такого рода дѣла берется или ведетъ ихъ съ такого рода приемами адвокатъ, присяжный или частный повѣренный. По самому существу ихъ профессиональных обязанностей, по долгу принятой ими присяги, казалось бы, отъ нихъ-то скорѣе всего и слѣдовало бы ожидать правильнаго и добросовѣстнаго веденія дѣла. А между тѣмъ общественное мнѣніе уже давно считаетъ ихъ особенно способными извращать истину, и нашъ великій писатель, рассказывая намъ со своею обычною искренностью и простою о той старушкѣ въ нарядномъ платьѣ съ огромными цвѣтами на шляпкѣ, которая встрѣтилась герою его романа у входа въ залъ судебныхъ засѣданій и у которой геніальный адвокатъ только-что сумѣлъ отнять ея имущество въ пользу дѣльца, не имѣвшаго на это имущество никакого права, нарисовалъ намъ въ немногихъ словахъ яркую картину дѣйствительности. Старушка, выйдя изъ залы суда, остановилась въ корридорѣ и, разводя руками, все повторяла, обращаясь къ своему адвокату: „Что жъ это будетъ? Сдѣлайте милость. Что жъ это?“. Она недоумѣвала, какъ это правос дѣло могло окончиться для нея неблагопріятно, какъ изъ правды можно было сдѣлать неправду. А между тѣмъ это было такъ; это знали, — говоритъ намъ великій художникъ, — и судьи, а тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ; но придуманный ими ходъ былъ такой, что нельзя было не отнять имущества у старушки и не отдать его дѣльцу.

Случай, подобно описанному Л. Н. Толстымъ, бываютъ рѣдко. Недобросовѣстные дѣла, гдѣ вся инициатива возбужденія дѣла, выработка приемовъ, посредствомъ которыхъ не-

добросовѣстная цѣль можетъ быть достигнута, принадлежить адвокату, встрѣчаются не часто. Это надо сказать къ чести нашей адвокатуры. Въ такой формѣ и въ такихъ размѣрахъ недобросовѣстность на судѣ гражданскомъ проявляется ими въ видѣ исключеній.

Гораздо чаще, и едва-ли не главнымъ образомъ, недобросовѣстное отношеніе ихъ къ дѣлу выливается въ другія, менѣе рѣзкія формы, о которыхъ мы говорили выше.

Нерѣдко происходитъ это случайно, когда представитель адвокатуры берется за дѣло, односторонне изложенное ему, какъ дѣло правое, и лишь послѣ возраженій противной стороны начинаетъ понимать, что онъ жестоко ошибся. Нѣкоторые изъ нихъ дозволяютъ себѣ проявлять недобросовѣстность въ указанномъ нами смыслѣ изъ ложнаго пониманія своихъ обязанностей по охранѣ интересовъ кліента, считая, что, взявшись за дѣло, они должны использовать все, что только возможно съ формальной стороны, чтобы добиться рѣшенія, выгоднаго для кліента. Многихъ вынуждаетъ къ такому способу веденія дѣлъ нужда, необходимость имѣть заработокъ.

Мы и здѣсь не будемъ задумываться о причинахъ явленія. Для насъ важны не эти причины, а наличность самаго явленія. Едва-ли кто будетъ отрицать существованіе явленія, едва-ли оно не представляется фактомъ общеизвѣстнымъ. Кто же не знаетъ, что есть представители адвокатуры, которые, принимая на себя веденіе дѣла, соображаются больше всего и скорѣе всего не съ тѣмъ, какъ говорить А. О. Кони, что можно защищать, а съ тѣмъ, какъ можно защищать.

Есть и такіе адвокаты, которые искренно, убѣжденно защищаютъ право на ложь.

V.

Недобросовѣстность на судѣ гражданскомъ существуетъ, и то недоумѣніе, которое такъ прекрасно выражено въ вопросахъ старушки въ романѣ Л. Н. Толстого, только что приведенныхъ нами, можетъ явиться у каждого, кому близко и дорого дѣло суда.

Что же надо сдѣлать, какія мѣры необходимо принять противъ этого зла, какъ надо съ нимъ бороться?

Существуетъ мнѣніе, что недобросовѣстность въ гражданскомъ процессѣ есть спутникъ положеннаго въ основаніе его состязательнаго начала и связанной съ послѣднимъ свободы тяжущихся. Пресѣчь недобросовѣстность, остановить тяжущагося, прибѣгающаго къ недобросовѣстнымъ приемамъ, потребовать отъ него прямыхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ по вопросамъ, которые не могутъ не быть ему хорошо извѣстны, — все это дѣло суда. Онъ одинъ только и могъ бы все это сдѣлать, но тогда было бы нарушено состязательное начало. Оно обязываетъ судъ относиться съ полнѣйшимъ безразличіемъ ко всему тому, что говорится и дѣлается тяжущимися, разъ они не выходятъ за предѣлы процессуальныхъ правилъ.

Вполнѣ опредѣленно учитывая размѣры и послѣдствія зла, которое причиняется недобросовѣстностью тяжущихся въ гражданскомъ процессѣ, представители этого мнѣнія указываютъ на необходимость пожертвовать состязательнымъ началомъ, требуютъ коренной реформы процесса и настаиваютъ на снабженіи суда широкими полномочіями для борьбы съ этимъ зломъ, съ этою ложью и недобросовѣстностью на судѣ.

Такимъ образомъ получаютъ два крайнихъ мнѣнія. Гражданскій процессъ долженъ быть состязательнымъ, — и тогда нѣтъ никакихъ средствъ борьбы съ недобросовѣстностью сторонъ, тогда она должна оставаться неуязвимою, можетъ развиваться и выливаться въ новыя формы. Или, наоборотъ, надо уничтожить состязательное начало и обратить въ судъ изъ безразличнаго, индифферентнаго свидѣтеля недобросовѣстности тяжущихся въ мощнаго, властнаго карателя таковой.

Мы придерживаемся средняго мнѣнія. Какъ намъ уже пришлось высказаться нѣсколько выше, мы думаемъ, что борьба съ недобросовѣстностью возможна и при состязательномъ началѣ, что она не нарушаетъ свободы тяжущихся, если, конечно, не разумѣть подъ этою свободою что-то безграничное, безбрежное, не знающее никакой мѣры.

Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства, построенный на состязательномъ началѣ и предоставляющій сторонамъ полнѣйшую возможность устанавливать предъ судомъ право и правду путемъ свободнаго состязанія, содержитъ въ себѣ несомнѣнные указанія на то, что и его составители не признавали этой свободы въ смыслѣ безграничнаго, безпредѣльнаго произвола сторонъ говорить и дѣйствовать на судѣ, не соображаясь съ тѣмъ, что процессъ гражданскій есть средство осуществленія матеріальнаго права и правды, забывая, что всякое правило процесса является только выводомъ изъ матеріальнаго права, тѣсно и неразрывно съ нимъ связаннаго. И они признавали нужнымъ, не боясь упрека въ нарушеніи свободы тяжущихся въ ихъ состязаніи на судѣ, установить въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ самомъ законѣ извѣстныя границы этой свободы, за предѣлами которыхъ она является опасною для правды матеріальной. Припомнимъ, напримѣръ, что, предоставляя тяжущимся возможность широко пользоваться правомъ оспаривать подлинность акта, заявлять споръ о подлогѣ, они сочли нужнымъ напомнить заявляющему, что онъ не долженъ возбуждать этотъ споръ напрасно, съ цѣлью затянуть дѣло; они потребовали, чтобы онъ въ извѣстное время представилъ доказательства подлога и доказалъ послѣдній, угрожая ему въ послѣднемъ случаѣ денежною карою и особо увеличивая послѣднюю, въ случаѣ недобросовѣстнаго заявленія спора.

Можно ли видѣть въ этомъ хотя бы малѣйшее нарушеніе свободы тяжущихся въ ихъ правѣ состязанія? Пожалѣлъ ли когда либо кто-нибудь о существованіи подобнаго правила въ нашемъ уставѣ? Конечно, нѣтъ. Жалѣютъ обыкновенно, что судъ слишкомъ мягко караетъ тѣхъ, кто пользуется правомъ заявить споръ о подлогѣ только для того, чтобы отдалить неблагопріятное для него рѣшеніе, а самая мѣра признается вполнѣ правильною и цѣлесообразною.

Подобныя же мѣры, только въ гораздо большемъ количествѣ и болѣе систематично изложенныя и проведенныя, содержатся и въ австрійскомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства, который также въ основу гражданскаго процесса кладетъ состязательное начало.

Намъ кажется поэтому, что для предупрежденія, уменьшенія, а въ извѣстныхъ случаяхъ и полного устраненія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, того зла, которыя создаются недобросовѣстностью сторонъ въ гражданскомъ процессѣ, возможно включить въ уставъ гражданского судопроизводства, безъ всякой ломки, безъ всякаго нарушенія его системы и тѣхъ началъ, на которыхъ онъ построенъ, рядъ дополнительныхъ правилъ, которыя ограничивали бы свободу сторонъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она переходитъ границы возможнаго, дозволеннаго и пріобрѣтаетъ характеръ недобросовѣстности.

Перечислить, подробно и исчерпывающимъ образомъ указать всѣ эти правила мы не беремся. Это лучше всего могла бы сдѣлать какая либо коммисія изъ юристовъ-практиковъ и теоретиковъ. Мы хотимъ, однако, въ видѣ примѣра, указать на нѣкоторыя правила, которыя съ пользою для дѣла можно было бы включить въ нашъ уставъ гражданского судопроизводства, а также на нѣкоторые изъ подобныхъ же правилъ, которыя введены въ тѣхъ же цѣляхъ въ австрійскій уставъ и, по отзывамъ вѣнскихъ адвокатовъ, приносятъ тамъ не малую пользу.

Всѣмъ, напримѣръ, хорошо извѣстно, что всякое прошеніе, всякая бумага, подаваемая тяжущимися въ судъ, за многими исключеніями, точно указанными въ законѣ, должны быть снабжены разнаго рода сборами. Представленіе этихъ бумагъ безъ сборовъ влечетъ за собою оставленіе ихъ безъ движенія въ порядкѣ 269 ст. уст. гражд. суд. до представленія недостающихъ сборовъ въ опредѣленный срокъ. Это правило чрезвычайно часто служитъ средствомъ недобросовѣстнаго затягиванія дѣла. Получивъ, скажемъ, копію искового прошенія, отвѣтчикъ подаетъ письменный отвѣтъ въ послѣдній день предоставляемаго ему мѣсячнаго срока, но не оплачиваетъ его гербовымъ сборомъ и не снабжаетъ копіею для истца. Или, заявивъ въ первомъ засѣданіи по дѣлу вступный искъ и подавъ его въ срокъ, назначенный ему судомъ, отвѣтчикъ не прилагаетъ къ прошенію судебной пошлины. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. Вездѣ преслѣдуется одна цѣль, выиграть время, пока будетъ получено объявленіе объ оставленіи бумаги безъ дви-

женія и пока истечетъ вновь назначаемый судомъ срокъ на представленіе недостающаго.

Перенеска по оставленію бумагъ тяжущихся безъ движенія достигаетъ въ нѣкоторыхъ судахъ громаднхъ размѣровъ, требуя иногда написанія и разсылки нѣсколькихъ десятковъ тысячъ объявленій въ годъ. Легко представить себѣ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится это на канцелярію суда и какую работу приходится продѣлывать тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которымъ приходится вручать эти объявленія. А между тѣмъ, въ громадномъ числѣ случаевъ дѣлается это только потому, что сторона желаетъ использовать процессуальное правило, весьма гуманное и цѣлесообразное само по себѣ, съ цѣлью затормозить дѣло, стѣснить противника. Уничтожить это правило немыслимо. Населеніе наше не знаетъ законовъ и, по развитію своему, не можетъ ихъ знать. Съ другой стороны, исчисленіе размѣровъ всѣхъ сборовъ по всякой бумагѣ—дѣло не всегда простое и легкое. Правило 269 ст. уст. гражд. суд. должно быть сохранено, но то зло, которое является послѣдствіемъ недобросовѣстнаго пользованія имъ, можетъ быть сокращено до извѣстной степени.

Есть извѣстный контингентъ лицъ, которымъ должны быть хорошо извѣстны законы и которымъ должны быть понятны всѣ правила о сборахъ,—это адвокаты и представители казенныхъ учрежденій. Казалось бы, что воспрещеніе имъ подавать въ судъ бумаги безъ сборовъ, подъ угрозою возвращенія бумагъ, можетъ быть только полезнымъ. Вѣдь, если при подачѣ прошенія безъ сборовъ крестьяниномъ, судъ въ правѣ предполагать наличность незнанія, непониманія закона, то со стороны адвоката ничего подобнаго предполагать нельзя. Здѣсь остается мѣсто предположенію только о недобросовѣстности или крайней небрежности, также для представителя адвокатуры непростительной. Говорятъ, что иногда адвокатъ вынужденъ подать бумагу безъ сборовъ потому, что кліентъ не доставляетъ ему денегъ, а приближается срокъ на подачу бумагъ. Это возраженіе представляется намъ неубѣдительнымъ, такъ какъ вскій адвокатъ имѣетъ полную возможность предусмотрѣть приблизительно, какіе ему по-

требуются расходы по подачѣ прошенія, и потребовать отъ кліента своевременнаго представленія этихъ денегъ впередъ. Да оно всегда такъ и бываетъ.

Выше мы указывали на случаи злоупотребленій правомъ предъявленія встрѣчныхъ исковъ. Повторяемъ, практика указываетъ намъ, что предъявленіе встрѣчнаго иска въ огромномъ большинствѣ случаевъ направлено къ созданію судебной волокиты. Случается даже и такъ, что встрѣчный искъ предъявляется условно. Сторона заявляетъ встрѣчное исковое требованіе, но добавляетъ при этомъ, что, если въ первоначальномъ искѣ будетъ отказано, то она проситъ оставить встрѣчный искъ безъ разсмотрѣнія. Очевидно, не дѣйствительными интересами стороны вызванъ такой встрѣчный искъ.

Но и здѣсь нѣтъ никакой возможности пресѣчь зло совершенно. Воспретить предъявленіе встрѣчнаго иска — немислимо. Бываютъ случаи, когда предъявленіе такого иска существенно необходимо. Но есть средства бороться и съ этимъ зломъ. Австрійскій уставъ гражданского судопроизводства знаетъ такое средство. Онъ допускаетъ такъ называемое частичное рѣшеніе по дѣлу и примѣняетъ его, между прочимъ, именно къ встрѣчному иску. Статья 391 этого устава предусматриваетъ такой случай, когда по дѣлу разъясненнымъ оказывается одинъ изъ исковъ, первоначальный или встрѣчный. Тогда по одному изъ нихъ постановляется частичное рѣшеніе, а разбирательство по другому продолжается безостановочно. При наличности такого правила предъявленіе дутыхъ, вымышленныхъ встрѣчныхъ исковъ, предъявляемыхъ только для того, чтобы отдалить разрѣшеніе исковъ первоначальныхъ, утратить всякій смыслъ и, во всякомъ случаѣ, не будетъ представлять никакой опасности. Включеніе такого правила въ нашъ уставъ гражданского судопроизводства, конечно, не можетъ встрѣтить никакихъ пренятствій и затрудненій и нисколько не нарушитъ начала состязательности и свободы сторонъ.

Возьмемъ еще примѣръ, также указанный нами выше. Отвѣтная сторона, выждавъ производства и окончанія повѣрки доказательствъ стороны истцовой, проситъ судъ о повѣркѣ

ея доказательствъ,—повѣркѣ, которую лучше всего было бы произвести одновременно съ произведенною уже. Конечно, вполне возможны случаи, когда это дѣлается по необходимости, когда отвѣтная сторона не успѣла, напримѣръ, заранее собрать свѣдѣнія о мѣстѣ жительства свидѣтелей и т. п. Но всякій судья не откажется засвидѣтельствовать, что очень часто столь поздно заявляемое ходатайство о повѣркѣ доказательствъ предъявляется исключительно съ тою же цѣлью затормозить дѣло.

Судъ всегда можетъ установить это, и намъ думается, что въ такихъ случаяхъ суду слѣдовало бы предоставить право, по установленіи того обстоятельства, что это ходатайство могло быть заявлено ранѣе и заявляется поздно, только для волокиты, отклонять таковое ходатайство.

Такъ поступаетъ австрійскій уставъ гражданскаго судопроизводства, который добавляетъ при этомъ въ 179 статьѣ, что, если такое заявленіе будетъ сдѣлано адвокатомъ, то судъ можетъ подвергнуть его денежному штрафу.

Мы упоминали вскользь о злоупотребленіи правомъ не являться въ засѣданіе и затѣмъ, подавъ отзывъ на заочное рѣшеніе, добиваться новаго разсмотрѣнія дѣла. Право это, установленное въ нашемъ уставѣ, несомнѣнно, съ цѣлью гарантировать интересы стороны, дѣйствительно, по той или другой причинѣ лишенной возможности явиться къ судоговоренію, является на дѣлѣ также только однимъ изъ способовъ судебной волокиты. Опытъ показываетъ, что неявка отвѣтника въ засѣданіе въ значительномъ числѣ случаевъ оказывается прямымъ послѣдствіемъ безспорности предъявленныхъ къ нему требованій. Въ этихъ случаяхъ онъ подчиняется заочному рѣшенію, отзыва не подаетъ и, слѣдовательно, совершенно не заинтересованъ въ томъ, будетъ ли это рѣшеніе заочнымъ или нѣтъ, имѣетъ ли онъ право на подачу отзыва, или не имѣетъ.

Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ эта неявка обусловлена дѣйствительною невозможностью явиться въ засѣданіе. Въ такихъ случаяхъ отвѣтникъ также не нуждается въ заочномъ рѣшеніи и можетъ отстаивать свои интересы въ апелляціон-

ной жалобѣ. Во всякомъ же случаѣ для этихъ немногихъ исключеній нѣтъ никакой надобности сохранять правила о заочныхъ рѣшеніяхъ, которыя во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, составляющихъ громадное количество, являются результатомъ недобросовѣстности сторонъ, особенно въ мировыхъ учрежденіяхъ. Кому же не знакомы случаи, когда заочныя рѣшенія постановляются въ то время, когда отвѣтчикъ находится въ камерѣ, занимаетъ мѣсто среди публики и на вызовъ судьи заявляетъ, что онъ не желаетъ выступать по дѣлу. Въ этихъ случаяхъ заочное рѣшеніе не только не нужно, но прямо вредно. Мы поэтому вполне присоединяемся къ тому взгляду, который не разъ уже и высказывался, — что заочное рѣшеніе должно быть совершенно устранено изъ правилъ нашего устава гражданского судопроизводства.

Въ правилахъ производства судебныхъ дѣлъ, которыми руководствуются земскіе начальники и городскіе судьи, какъ извѣстно, указана другая мѣра борьбы съ недобросовѣстностью стороны, добивающейся постановленія въ отношеніи ея заочнаго рѣшенія. Тамъ судѣ предоставляется право не принимать отзыва, если отвѣтчикъ не докажетъ законности и уважительности причинъ неявки своей въ засѣданіе. Въ крайнемъ случаѣ и эта мѣра могла бы быть введена въ нашъ уставъ гражданского судопроизводства, хотя полное уничтоженіе заочнаго рѣшенія представляется намъ мѣрою болѣе дѣйствительною, а потому и предпочтительною.

Австрійскій уставъ гражданского судопроизводства знаетъ и общія мѣры, направленные къ тому, чтобы заставить стороны не уклоняться отъ объясненій по вопросамъ, которые имъ не могутъ не быть хорошо извѣстными. Онъ обязываетъ каждую изъ сторонъ говорить правду на судѣ.

Статья 178 этого устава предписываетъ сторонамъ указать въ своихъ объясненіяхъ всѣ относящіяся къ дѣлу обстоятельства „согласно истинѣ“ и „опредѣлительно“ высказаться относительно приводимыхъ противною стороною фактическихъ обстоятельствъ. Соблюденіе этихъ правилъ обязательно для сторонъ, а нарушеніе ихъ можетъ имѣть непріятныя послѣдствія. На основаніи 408 статьи устава,

если судъ найдетъ, что дѣло было ведено обвиненною стороною недобросовѣстно, онъ можетъ присудить ее, по просьбѣ оправданной стороны, къ платежу послѣдней особаго вознагражденія. За недобросовѣстныя дѣйствія стороны вообще налагается штрафъ, размѣръ котораго можетъ доходить до 300 гульденовъ (220 статья устава). Затѣмъ уклоненіе стороны отъ отвѣта на вопросы, заявленіе ея о томъ, что подлежащее обстоятельство ей неизвѣстно или что она не помнитъ о немъ, не влекутъ за собою непрѣмной повѣрки доказательствъ. Суду предоставляется, по его усмотрѣнію и убѣжденію, опредѣлить, какое значеніе для рѣшенія дѣла слѣдуетъ придать такому уклоненію стороны отъ отвѣтовъ и насколько такія заявленія стороны могутъ быть почитаемы исключяющими или заключающими въ себѣ его признаніе (267 и 272 ст. устава).

Всѣ эти правила австрійскаго устава легко могли бы быть включены и въ нашъ уставъ, также не нарушая начала состязательности, какъ не нарушаютъ они его и въ австрійскомъ законѣ.

Мы привели рядъ мѣръ, которыми, по нашему мнѣнію, можно было бы дополнить нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства съ цѣлью борьбы съ ложью и недобросовѣстностью сторонъ въ гражданскомъ процессѣ. Повторяемъ, мѣры эти указаны нами лишь для того, чтобы доказать, что такая борьба возможна, что средства для нея существуютъ. Но мы отнюдь не претендуемъ на полное перечисленіе этихъ мѣръ. Мы считали своею обязанностью указать существованіе зла, доказать, что съ нимъ надо бороться и можно бороться, и выяснить то направленіе, которое должно быть дано средствамъ этой борьбы.

Если намъ удалось достичь этого, хотя бы отчасти, то мы считаемъ, что нашъ долгъ выполненъ.
